

Глава 5. Дворцовый банкет

Се Яньчжоу, разглядывая попугая, переживавшего вторую молодость, послал за Сюэ Жэнем.

Тот едва успел уйти, закончив осмотр, как снаружи послышался стук в дверь. В дверном проёме показалась голова в обрамлении красных одежд.

Жун Цзюань был самым свободным и одновременно самым несвободным человеком в этой резиденции. За каждым его шагом следили, но благодаря чьей-то «рыбалке на живца» ему было позволено ходить где угодно.

Се Яньчжоу поднял на него взгляд.

— Нам пора на встречу с моим отцом.

— ...

Генерал Се, разумеется, не собирался ехать в одной карете с сыном своего политического врага. Никогда в жизни. Встретив его ледяной взгляд, юноша понял всё без слов.

Собственно, он и предложил-то из вежливости, раз уж они собирались сидеть за одним столом. Формальность соблюдена, и на том всё. Он повернулся и пошёл к себе. Время ещё было, можно и полежать немного.

Тем временем Се Яньчжоу взглянул на свой кабинет, где хранились важные военные документы, и приказал скрытому в тени стражу:

— Следи за ним.

Сказав это, он покинул резиденцию. У ворот уже ждали кареты, включая ту, для которой Жун Цзюань заранее нанял кучера. Проходя мимо его экипажа, даже Се Яньчжоу на мгновение замер. Дети столичных чиновников дошли до немыслимой роскоши.

Лишь спустя четверть часа Жун Цзюань вышел из своих покоев и собрался в путь.

С введением ночного комендантского часа шумные рынки давно опустели. Улицы погрузились во тьму, и лишь императорский город сиял, как и прежде. Кареты и паланкины с гербами сановников одна за другой устремлялись к этому средоточию блеска. Вскоре улицы вновь опустели, и лишь тогда на дорогу выехала необычная карета.

Крыша, покрытая соболиным мехом, была инкрустирована золотом и серебром. С тех пор как юноша покинул резиденцию канцлера, он успел «усовершенствовать» свой экипаж.

У дворцовых ворот карета остановилась. Последний отрезок пути нужно было пройти пешком. Жун Цзюань неторопливо вышел и направился к цели.

В величественном зале, где чиновники уже расселись согласно рангам, на длинных столах стояли нефритовые чаши и хрустальные блюда, полные изысканных яств и напитков. Роскошь была невероятной. В тот миг, когда вошёл Жун Цзюань, все разговоры и лесть на мгновение стихли.

Он был юн, без официального облачения, и совершенно не вписывался в это собрание.

— Кажется, это тот самый из дома канцлера. Странно, как он...

Сановник не договорил, но ответ уже созрел в его голове. Если стража не остановила гостя, значит, такова была воля Его Величества. Но почему государь позволил известному столичному гуляке, замешанному в недавних скандалах, войти во дворец?

Все взгляды невольно обратились к Жун Чэнлиню. Высокопоставленный Правый канцлер, вернувшийся в столицу лишь утром, в свои сорок с небольшим лет выглядел внушительно в парадном халате, официальной шапке и чёрных сапогах. Вокруг него сгруппировались преданные ему гражданские служащие.

Пара фениксовых глаз устремилась на Жун Цзюаня. Голос Жун Чэнлиня был негромким, но полным давления.

— Непутёвый сын, иди сюда.

Когда гонец из поместья доставил ему письмо, отец ещё думал, что вести из дома дороже золота. Оказалось, что это вести с пожара.

Жена канцлера, прекрасно зная, что для её мужа важнее всего, постаралась преуменьшить историю с отравлением, но в красках расписала, как их сын на улице назвал разбойника отцом и в качестве залога верности вынес половину их дома. Прочитав это, Жун Чэнлинь, обычно непроницаемый, до сих пор не мог скрыть своего гнева.

На его упрёк тут же последовал неторопливый ответ с противоположной стороны.

— Правый канцлер ошибается, — как ни в чём не бывало произнёс Великий инспектор. — Его Величество лично назвал его вашим драгоценным сыном. Вам следовало сказать: «Драгоценный сын, иди сюда».

«Чёрт!»

Жун Цзюань чуть не поперхнулся воздухом. Неужели придворные в спорах не стесняются в выражениях? Воспользовавшись этой словесной перепалкой, он направился к третьей стороне — к Се Яньчжоу, сидевшему в направлении «на три часа».

Окружающие с интересом наблюдали за его передвижением.

[Подожди, малыш Жун, я только что поняла! Если бы ты пришёл пораньше, тебе не пришлось бы сейчас так неловко выбирать место!]

Можно было бы сесть в каком-нибудь незаметном углу. Прийти на банкет за четверть часа до начала считалось нормой. Кроме императора, Жун Цзюань сегодня был последним.

«Лень мне было так рано выходить, — мысленно отозвался он. — Кому надо, тот пусть и торопится»

Под насмешливыми, презрительными и гневными взглядами Жун Цзюань шёл очень медленно. Незнающий мог подумать, что он боится, как бы Се Яньчжоу его не вышвырнул. Что думал сам генерал, оставалось загадкой. От него исходила аура, кричавшая: «Не подходи».

Мысленно отсчитывая время, юноша сделал последний шаг и, встретившись с холодным взглядом, услышал пронзительный голос евнуха:

— Его Величество прибыл!

Идеальный момент!

В следующую секунду Се Яньчжоу увидел, как подросток, стоявший перед ним, юркнул, словно угорь, и оказался рядом. Жун Цзюань двигался как ветер, и его разворот по инерции даже совпал с общим поклоном.

В толпе Жун Цзюань, совершив восемьсот движений в секунду, успел бросить взгляд на новоприбывшего. Нынешний император Великой Лян, как и Великий инспектор, имел высокие скулы. Но, видимо, благодаря сытой жизни лицо его было полным, что создавало обманчивое впечатление добродушия. Однако позолоченная корона почему-то подчёркивала острый взгляд, в котором проскальзывала толика жестокости.

Рядом с монархом шла императрица и свита любимых наложниц. Но когда Жун Цзюань увидел принцев, он был по-настоящему изумлён.

«У дракона девять сыновей, и все разные»

Система была более прямолинейна:

[Чёрт возьми! Почему ни один из принцев не похож на императора? Они вообще родные?]

Жун Цзюань говорил тихо, и его услышал только сидевший рядом Се Яньчжоу. Генерал заметил, что этот человек время от времени выдаёт поразительные фразы.

— Все принцы усыновлены из императорского клана, — негромко ответил он. — Если жить надоело, можешь повторить ещё раз.

Жун Цзюань изумился.

«Значит, ни одного драконьего яйца»

Вскоре он обнаружил ещё кое-что удивительное. Слова Се Яньчжоу были резкими, но по сути он предостерег его от неосторожных высказываний.

«Солнце взошло на западе? С чего бы ему быть таким добрым?»

Заметив его недоумение, собеседник холодно усмехнулся. Собственно, Се Яньчжоу задавался тем же вопросом. Сюэ Жэнь подтвердил, что отвар не ядовит, а некоторые его компоненты даже способствовали заживлению ран.

«Он знал о моём ранении, но не воспользовался этим, а вместо этого тайно прислал лекарство»

Генерал впервые не мог разгадать мотивы другого человека по его поступкам.

— Всем встать.

Император занял своё место во главе стола, и лишь затем сели остальные. Все мысли были прикованы к каждому жесту монарха. Лишь двое за одним столом, каждый в своих мыслях, пытались разгадать намерения друг друга.

«Что ему в голову взбрело?»

«Зачем он мне помог?»

Глядя на почтительные лица своих подданных, государь удовлетворённо заговорил, сперва обратившись к Жун Чэнлиню:

— Возлюбленный подданный, ты славно потрудился. Не только усмирил наводнение, но и собрал доказательства того, что Князь Дин замышлял мятеж. Это великая заслуга.

При упоминании князя Дина лицо императора исказилось от гнева. Он обрушился на него с обвинениями, а затем снова восхвалил канцлера. Так Жун Цзюань наконец понял суть дела.

Его дешёвый папаша ещё до того, как занять высокий пост, прославился борьбой со стихией. Когда в провинции Динчжоу случилось бедствие, несколько посланных туда чиновников не справились с задачей. Тогда его отец сам вызвался поехать и навести порядок. Выслушав всё, юноша презрительно хмыкнул.

Всего за полмесяца раскрыть заговор, усмирить наводнение и вернуться невредимым. Найти доказательства так быстро можно было, лишь подготовившись заранее. Скорее всего, он намеренно послал некомпетентных людей, чтобы те разведали обстановку, а затем отправился сам, чтобы, не вызывая подозрений у князя, докопаться до истины. Жаль только местных жителей, которые гибли сотнями, пока двор тянул время.

«Проклятая феодальная эпоха»

Се Яньчжоу взглянул на восседавшего на троне правителя, и в его глазах на миг промелькнул холод.

— Подать вина канцлеру! — восхвалив Жун Чэнлиня, император перешёл к Се Яньчжоу. — Возлюбленный подданный, ты отразил набег варваров на границе, что также является заслугой. У тигра не рождаются щенки. Верю, что твой отец на небесах возрадовался бы.

Слова «также является», словно принижая его подвиг, обесценили усилия многих воинов. Но Се Яньчжоу не выказал недовольства.

— Я не обману ожиданий Вашего Величества.

Садясь, он даже улыбнулся. Но под его узкими зрачками Жун Цзюань разглядел пугающую тьму.

— Хорошо, — весьма довольный, произнёс император. — Сегодня у нас семейный ужин, не стесняйтесь.

Увидев, как монарх после кнута даёт пряник, группировка гражданских чиновников во главе с Жун Чэнлинем удовлетворённо улыбнулась. Главный евнух подал знак музыкантам, и нежные звуки шёлковых струн вновь наполнили зал.

Банкеты редко бывают добрыми. Жун Цзюань только успел набить щёки, как один из придворных вскочил и начал разглагольствовать. Он со слезами на глазах жаловался на

пустую казну, заявляя, что если бы в своё время они уступили бесплодный город Ляньцзюй племени ужун, то могли бы десять лет жить в мире.

— Теперь, когда страну терзают неурожаи, мы вынуждены содержать армию!

Жун Цзюань чуть не подавился. Народ где-то там голодает, а в столице все скоро превратятся в свиней. Один взгляд на этот стол, уставленный яшмовыми блюдами, говорил о многом.

Наследный принц тут же потребовал наказать говорившего за дерзкие речи. Третий принц его поддержал, а второй и четвёртый, напротив, просили императора не быть слишком строгим к подданному, сказавшему лишнее спьяну. Пятый принц был ещё мал и лишь бестолково кивал.

Принцы спорили до хрипоты, а государь лишь изображал миротворца. Се Яньчжоу, оказавшийся в центре бури, оставался невозмутим. Он обводил взглядом сытые лица сановников, и было непонятно, о чём он думает.

Когда его взгляд остановился на Жун Цзюане... тот готовил себе кашу из морепродуктов. Очищенные креветки и крабовое мясо он бросил в миску, посыпал перцем и собирался всё это съесть. Почувствовав на себе взгляд, юноша повернулся.

— Хочешь тарелочку?

Се Яньчжоу не ответил. Жун Цзюань съел всё сам и удовлетворённо погладил живот. Генерал бесстрастно отвёл глаза.

«Ест как птичка. В отличие от этих мешков с вином, хотя бы ест мало»

Насытившись, Жун Цзюань принялся наблюдать за представлением. У каждого из лидеров партий были свои глашатаи. Кроме Се Яньчжоу, оба его «отца» хранили молчание. Через некоторое время императору, видимо, надоел шум, и он постучал по столу.

Музыка смолкла. Государь с отеческой нежностью обратился к Се Яньчжоу:

— Принцесса Чжао Хэ, услышав о возвращении возлюбленного подданного, пришла в восторг и приготовила подарок.

Единственная дочь императора выглянула из-за спины матери.

— Я давно слышана о доблести генерала.

Она взглянула на свою служанку, и та поднесла Се Яньчжоу длинный ларец. Принцесса Чжао

Хэ нервно прижалась к императрице. Отец сам устроил ей эту встречу, и она надеялась, что её желание исполнится. Императрица же с трудом выдавила улыбку.

«Выйти замуж за военачальника, которого опасается сам правитель, — что хорошего может из этого выйти? Её глупая дочь даже не понимает, что её используют как пешку»

Сановники замолчали. Все они сразу поняли, что императорская семья намерена устроить брак. Служанка медленно приближалась.

В эту эпоху уже были популярны семечки. Жун Цзюань тайком щёлкал их, и его глаза блестели — он был похож на хомяка, наблюдающего за спектаклем. Щёлк, щёлк, щёлк.

Служанка наконец подошла.

— Этот дар принцесса создала собственноручно в честь непобедимого генерала.

Подарком оказался свиток с рисунком. На нём была изображена женщина в маске с мечом в руке, чертами похожая на саму принцессу. К несчастью, Се Яньчжоу явно не интересовала роль зятя императора. Он лишь поблагодарил и умолк. Разочарование Чжао Хэ было очевидным, а улыбка в глазах императора постепенно угасала.

При дворе не было единого мнения о том, стоит ли переходить в контрнаступление. Государь склонялся к сохранению мира. Если устроить свадьбу, подготовка займёт месяцы, и всё это время Се Яньчжоу будет вынужден оставаться в столице. Пожертвовав дочерью, можно было удержать генерала. Весьма выгодная сделка. Но тот не поддался.

Лицо императора помрачнело. Видя, что Се Яньчжоу не собирается соглашаться, он вдруг, словно случайно, опрокинул блюдо с фруктами.

Разгневался монарх, но генерал лишь формально склонил голову. В зале воцарилось тяжёлое молчание. Чиновники из враждебных фракций внутренне ликовали. Жун Чэнлинь молча смотрел на соперника, понимая, что за таким спокойствием наверняка кроется козырь.

Но иногда человеческие расчёты ничто перед случайностью. Стоявший рядом маленький евнух, напуганный атмосферой, задел опрокинутое блюдо, и оно с грохотом полетело на пол. В оглушительной тишине звук разбивающейся посуды прозвучал как удар грома.

Разгневанный император мрачно произнёс:

— Такую мелочь сделать не можешь. Увести его...

— Ваше Величество.

Неожиданно тонкая фигура поднялась со своего места. Не только сановники вытаращили глаза, но даже маленький евнух с недоверием посмотрел на него.

«Публично перебить императора. Он что, с ума сошёл?»

<http://bllate.org/book/15979/1441620>